

11. Slovar russkogo yazyika : v 4 t. / pod red. A.P. Evgenevoy. M. : Rus. yaz., 1985 – 1988.

12. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika : v 17 t. M.–L. : Izd-vo AN SSSR, 1950 – 1965.

13. Teliya V.N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidyi // Yazyikovaya nominatsiya: vidyi naimenovaniy. M. : Nauka, 1977. S. 129–221.

14. Teliya V.N. Konnotativnyiy aspekt semantiki nominativnyih edinits. M. : Nauka, 1986.

15. Turgenev I.S. Dyim. Nov. Veshnie vodyi. M. : Hudozh. lit., 1986.

Formation of the signs of indirect derivative nomination based on the evaluative oxymoron

There are described the semantic peculiarities of the evaluative oxymoron, revealed and analyzed the basic signs of the meanings of the indirect derivative nomination which refer to the evaluative oxymoron.

Key words: *signs of the indirect derivative nomination, phraseological units, evaluative oxymoron.*

(Статья поступила в редакцию 03.06.2014)

Ю.В. ТУЛУПОВА
(Волгоград)

‘ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК’ КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМЫ «СЕРДЦЕ»

Рассматривается значение лексемы «сердце» ‘внутренний человек’. На материале произведений русской литературы XVIII–XXI вв. определены гендерные, возрастные, топонимические, национальные характеристики, относящиеся к данному значению, а также рассмотрены общечеловеческие переживания и чувства, положительные и отрицательные качества личности как характерные для данного значения.

Ключевые слова: *семантика, лексема «сердце», значение ‘внутренний человек’.*

Изучение семантики лексем, репрезентирующих внутренний мир человека, и особенности их изменения уже давно интересуют лингвистов. Научные труды посвящены как

объему семантики отдельных лексем, так и характеристике разнообразных мифологических, религиозных и народных представлений, которые сохранились в языке (А. Вежбицкая, М.В. Пименова, Е.В. Урысон, Е.Б. Никифорова и др.). В данной статье рассматривается значение ‘внутренний человек’ как одна из составляющих лексемы *сердце*.

В произведениях русской литературы XVIII – XXI вв. *сердце* часто уподобляется человеку по ряду признаков. Например, по признакам пола. В русской литературе чаще встречаются описания женского сердца: *Бедный молодой человек!.. Он так хорошо умеет говорить с женским сердцем; так хорошо льстил моему самолюбию, не говоря ни слова, а только смотря на меня и на других женщин!* (Н. Карамзин. Рыцарь нашего времени) [3, с. 752]. Для женского сердца свойственны такие качества, как:

– чувствительность (*Я могла бы наслаждаться счастьем семейственным, удовольствиями доброй матери, богатством, благотворением, всеобщую любовь, почтением людей и – самую нежную горестию о великом отце твоём, но я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца – и хотела ужасов войны; самую нежность матери – и не могла плакать о смерти сынов моих!..* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с.706]);

– любопытство (*О характере моем говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое действует весьма живо и сильно в женском сердце* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с.714]);

– непостижимость (*– Я вас несколько не виню, Алексей Дмитрич. Вы воспользовались... Вы были правы. Я говорю только о том, что не удивляюсь вашему охлаждению к общему делу: у вас, я опять-таки скажу, – не то на уме. И прибавлю, кстати, от себя: где тот человек, который может заранее предугадать, что именно нравятся девическим сердцам, или постигнуть, чего они желают!!* (И. Тургенев. Новь) [8, с. 456]).

Гендерные признаки сердца часто контактируются с признаками родства: *Родись, милый младенец! Сердце мое будет тебе отцом и матерью* (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 664]; *Боярин Матвей скоро заметил, что Наталья стала пасмурнее: родительское*

сердце его потревожилось (Н. Карамзин. Наталья, боярская дочь) [3, с. 610]; – *Гражданин лекном. Не терзайте материнское сердце!* (М. Булгаков. Целитель) [1, т. 3, с. 466].

В повести И.С. Тургенева «Новь» сердце определяется с помощью возрастных характеристик (оно может быть молодым и старым): *Нежданов сидел спиной к сплошной стене молодых берез, в густой, но короткой тени; он не думал ни о чем, он отдавался весь тому особенному весеннему ощущению, к которому – и в молодом и в старом сердце – всегда примешивается грусть... взволнованная грусть ожидания – в молодом, неподвижная грусть сожаления – в старом...* (И. Тургенев. Новь) [8, с. 386]. В современной литературе, например в произведениях Л. Улицкой, встречается словосочетание «пожилое сердце», что свидетельствует о расширении сферы употребления данной модели: *Фаина Ивановна, с послевоенных лет работавшая в семье, растившая Олю с младенчества, собралась было с рождением ребенка уходить — в другую семью из двух человек, где работы поменьше и куда давно ее сманивали, — но Костя так пленил ее пожилое сердце, что она до самой своей смерти за ним ходила* (Л. Улицкая. Зеленый шатер) [9, с. 130].

У сердца могут проявляться топонимические признаки (*Пусть говорят враги мои, и если они докажут, что сердца новгородские не отвечают моему сердцу, что любовь к свободе есть преступление для гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться, ибо славлюсь моею виною и с радостью кладу голову свою на плаху* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода) [3, с. 697]) и признаки национальности (*Я слишком долго пробыла за границей, Марья Дмитриевна, я это знаю; но сердце у меня всегда было русское, и я не забывала своего отечества* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 290]). Часто национальные признаки актуализируются при упоминании важных для нации событий, как, например, в повести Н.М. Карамзина «Марфа-посадница», где речь идет о защитниках Новгорода: *Если простишь нас, то будем верными подданными: ибо сердца русские не знают измены, и клятва их надежна* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода) [3, с. 705].

В произведениях русской литературы у сердца часто наблюдаются признаки умственных способностей. Сердце спо-

собно мыслить, получить образование: *Скоро отдали Леону ключ от желтого шкапа, в котором хранилась библиотека покойной его матери и где на двух полках стояли романы, а на третьей несколько духовных книг: важная эпоха в образовании его ума и сердца!* (Н. Карамзин. Рыцарь нашего времени) [Там же, с. 742]. Сердце может быть наделено даром предвидения: *Но тайное предчувствие сердца говорило ему: «Ах! И ты, и ты будешь некогда ее жертвою! И тебя схватит, унесет сей вихорь... Куда?.. Куда?..»* (Н. Карамзин. Рыцарь нашего времени) [3, с. 743]. Сердце обладает памятью, в которой сохраняются значимые события, люди: *До возвращения Ивана Петровича из-за границы Федя находился, как уже сказано, на руках Глафиры Петровны. Ему не было восьми лет, когда мать его скончалась; он видел ее не каждый день и полюбил ее страстно: память о ней, об ее тихом и бледном лице <...> навеки запечатлелась в его сердце <...>* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 207]. Именно поэтому сердце способно узнать кого-то: *Он сразу узнал этот голос. Уши узнали ещё до головы, и сердце узнало <...>* (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик) [10, с. 419].

Сердце может говорить с сердцем другого человека (*Мы были неразлучны, гуляли вместе на злчных берегах величественного Гвадальквивира, сидели над журчащими его водами, подле горестного Алонзова памятника, в тишине и безмолвии; одни сердца наши говорили* (Н. Карамзин. Сиерра-Морена) [3, с. 648]), вторить ему (*Странно, но сердце его словно вторило тому, страдающему стенокардией* (Л. Улицкая. Голубчик) [11, с. 306]). Метафорой наличия голоса является и фразеологическое сочетание *сердце ноет* (*Путешествие его утомило; двухдневное постоянное присутствие человека незнакомого, с которым он говорил много, разнообразно – и бесплодно, раздражило его нервы; что-то горькое, не то скука, не то злость, тайно забралось в самую глубь его существа; он негодовал на свое малодушие – а сердце все ныло!* (И. Тургенев. Новь) [8, с. 373]), которое в Малом академическом словаре соотносится с чувством «тоски, грусти, тревоги, испытываемым кем-л.» [5, т. 2, с. 516].

Сердце может быть наделено красноречием (*Снисходительный Леонид оставлял приказные бумаги и слушал его; но часто, облокотясь на камин, дремал среди самых живых описаний нового Сен-Прё, который иногда в*

жару сердечного красноречия не видал того <...> (Н. Карамзин. Чувствительный и холодный) [3, с. 725]), оно обладает способностью убеждать (*Я смотрел на нее с горестию и думал сам в себе: «Какая варварская рука лишила тебя дневного света? Неужели за какое-нибудь тяжкое преступление? Но милостивое лицо твое, но тихое движение груди твоей, но собственное сердце мое уверяют меня в твоей невинности!»*) (Н. Карамзин. Остров Борнгольм) [Там же, с. 643]), говорит правду (*Слушайте вашего сердца; оно одно вам скажет правду* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 259]). Таким образом, сердце является нравственным ориентиром в человеке: *Я оставил тебя на суд собственного твоего сердца, – признаюсь, не хладнокровно, не без мучительной горести, но ведь луч надежды питал и не обманул меня!* (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 667].

Сердцу, как и человеку, свойственны переживания различных физических и психологических состояний, например:

– дрожи (*Раздался звук вечаевого колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с. 669]);

– радости (*Дух Ярославов оскорбился бы в небесных селениях, если бы мы не умели сохранить древних прав, освященных его именем. Он любил новгородцев, ибо они были свободны; их признательность радовала его сердце, ибо только души свободные могут быть признательными: рабы повинуются и ненавидят!* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с. 675]);

– ужаса (*Сердца ужаснулись* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с. 679]);

– стыда (*Он не умел сходить с людьми; двадцати трех лет от роду, с неукротимой жаждой любви в пристыженном сердце, он еще ни одной женщине не смел взглянуть в глаза* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 211]);

– печали (*Уже давно он жил в пустыне, и только два раза в год могла приходить к нему Марфа, беседовать с ним о судьбе Новгорода или о радостях и печалях ее сердца* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [3, с. 680]);

– отчаяния (*Юлия сияла, как солнце, заvistь искала в ней черных пятен, не находила и с болю в глазах, с отчаянием в сердце должна была... идти прочь!* (Н. Карамзин. Юлия) [Там же, с. 652]);

– восторга (*А вы, счастливые супруги, блаженствуйте в сердечных восторгах под влиянием звезд небесных, но будьте целомудренны в самых высочайших наслаждениях страсти своей!* (Н. Карамзин. Наталья, боярская дочь) [3, с. 625]);

– страдания (*С сего часа дни ее были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце ее!* (Н. Карамзин. Бедная Лиза) [Там же, с. 598]);

– тоски (*Наталья подгорюнилась – чувствовала некоторую грусть, некоторую томность в душе своей; все казалось ей не так, все неловко; она встала и опять села, наконец, разбудив свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскует* (Н. Карамзин. Наталья, боярская дочь) [Там же, с. 608]);

– испуга (*В то время, как на Садовой слышались пугающие сердце колокольные удары на быстро несущихся со всех частей города красных длинных машинах, мечущиеся во дворе люди видели, как вместе с дымом из окна пятого этажа вылетели три темных, как показалось, мужских силуэта и один силуэт обнаженной женщины* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [1, с. 703]);

– страха (*Его взрослая жизнь началась от темных приступов сердечного страха, будивших среди ночи* (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик) [10, с. 104]);

– восхищения и скорби (*В самом севере, среди высоких миштых скал, ужасных для взора, творение руки твоей прекрасно, – творение руки твоей восхищает дух и сердце. И здесь, где пенистые волны от начала мира сражаются с гранитными утесами, – и здесь десница твоя напечатлела живые знаки творческой любви и благостию и здесь в час утра розы цветут на лазоревом небе, и здесь нежные зефиры дышат ароматами, и здесь зеленые ковры расстилаются, как мягкий бархат, под ногами человека, и здесь поют птички – поют весело для веселого, печально для печального, приятно для всякого, и здесь скорбящее сердце в объятиях чувствительной природы может облегчиться от бремени своих горестей!* (Н. Карамзин. Остров Борнгольм) [3, с. 645]).

В то же время сердцу могут быть неведомы какие-то чувства и ощущения: *Марфа твердым голосом сказала пустынноку: «Когда бы все небо запылало и земля, как море, восколебалась под моими ногами, и тогда бы сердце мое не устрашилось: если Новуграду*

должно погибнуть, то могу ли думать о жизни своей?» (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода) [3, с. 681]; *Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу* (Н. Карамзин. Бедная Лиза) [Там же, с. 592]; *Однако ж уверяю читателя, что сердце мое совсем неспособно к ревности: это минутное движение было, конечно, следствием моей болезни* (Н. Карамзин. Моя исповедь) [Там же, с. 713].

Страдание сердца может переосмысливаться как болезнь: *А у Соломина сердце-то, пожалуй, тем же болеет, чем и наше, – и ненавидит он то же, что мы ненавидим, да нервы у него молчат и все тело повинуется как следует... значит: молодец!* (И. Тургенев. Новь) [8, с. 581]. В этом случае реализуется переносное значение глагола «болеть» – испытывать тревогу, беспокоиться, страдать [5, т. 1, с. 105].

У сердца, как у человека, есть достоинства: *Арисова нежность, кротость, сердечные достоинства, которых в светском шуме не могла она так сильно и живо чувствовать, тронули ее душу в искренних разговорах тихого кабинета* (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 658].

К положительно оцениваемым качествам сердца относятся:

– готовность прощать (*Сердца нежные всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслию, что они приобретают тем новые права на любовь виновного <...>*) (Н. Карамзин. Чувствительный и холодный) [Там же, с. 728];

– преданность (*Только живи в моей близости, только люби меня, какова я есть, со всеми моими слабостями и пороками, и знай, что ничье сердце никогда не будет так нежно тебе предано, как сердце твоей Ирины*) (И. Тургенев. Дым) [8, с. 319];

– невинность (*Вы, звезды, чистые звезды, – повторил Лемм... – вы взираете одинаково на правых и на виновных... но одни невинные сердцем, – или что-нибудь в этом роде... вас понимают, то есть нет, – вас любят. Впрочем, я не поэт, куда мне! Но что-нибудь в этом роде, что-нибудь высокое*) (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 236];

– спокойствие и кротость (*Уже среди шумных воинских приготовлений день*

склонялся к вечеру – и юная Ксения, сидя под окном своего девического терема, с любовью-смирением смотрела на движения народные: они казались чуждыми ее спокойному, кроткому сердцу!.. (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода) [3, с. 685]).

Отрицательно оцениваемые качества описываются метафорами:

– порока (<...> *бледноволосый отрок, сидевший в белье и выглядывавший из-за материнской спины белейшим лобиком со светлыми щечками у основания бровей, сразил профессора в самое его больное и порочное сердце* (Л. Улицкая. Голубчик) [11, с. 295–296]);

– развращенности (*Господин Нежданов нанес мне одно из тех оскорблений, которые не забываются... Я выше мести; но ни о нем я не хочу ничего знать, ни о той девице – впрочем, более развращенной умом, нежели сердцем (эту фразу Сипягин повторял чуть не в тридцатый раз после бегства Марианны), – которая решила покинуть кров дома, ее приютившего, чтобы сделаться любовницей безродного проходимца! Довольно с них того, что я их забываю!*) (И. Тургенев. Новь) [8, с. 545];

– коварства (*Сильна рука его [Дмитрия Сильного], но сердце коварно: он встретил за городом посла Иоаннова и тайно говорил с ним* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода) [3, с. 682]);

– жестокости (*Мужик пугливо и сурово отшатнулся, посмотрел на него... «Сын помер», – произнес он скороговоркой и снова принялся класть поклоны... «Что для них может заменить утешения церкви?» – подумал Лаврецкий и сам попытался молиться; но сердце его отяжелело, ожесточилось, и мысли были далеко*) (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 312–313]).

Сердце может измениться как в лучшую, так и в худшую сторону: *Какой ангел известит его о перемене моего сердца?* (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 665]; *Отчего же такая перемена в сердцах ваших? Как древнее племя славянское могло забыть кровь свою?..* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода) [Там же, с. 671]; *Эраст вообразил, что сердце его наконец ожесточилось: так мыслят всегда люди чувствительные, натерпевшись довольно горя<...>* (Н. Карамзин. Чувствительный и холодный) [Там же, с. 731]. Укоризны способны ожесточить сердце: *Ты удивляешься, друг мой, для чего я мол-*

чал и не хотел говорить тебе о следствиях ветрености твоей: я был уверен, что укоризны могут скорее ожесточить сердце, нежели тронуть его чувствительность (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 667].

Сердце – это, своего рода, человек внутри человека, обладающий самостоятельностью, которого невозможно заставить выполнять что-то, противное его воле, который сам способен принимать решения: – *Лиза, ради бога, вы требуете невозможного. Я готов сделать все, что вы прикажете; но теперь примириться с нею!.. Я согласен на все, я все забыл; но не могу же я заставить свое сердце... Помилуйте, это жестоко!* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [7, с. 305]; *Сердце не знает законов и перестает любить, когда захочет* (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 657]. Человеку в таком случае остается только подчиниться воле сердца: *Можно сражаться с сердцем долго и упорно, но кто победит его?* (Н. Карамзин. Сиерра-Морена) [Там же, с. 648].

У сердца есть собственная жизнь: – *Может быть, может быть. Я готов верить в чистоту ваших намерений; но я все-таки позволю себе спросить вас, с какого права вы вмешиваетесь в домашние дела, в сердечную жизнь чужого человека и на каком основании вы вашу... выдумку так самоуверенно выдаете за правду?* (И. Тургенев. Дым) [8, с. 294]. Совершать поступки человек может без участия сердца, что также свидетельствует о его [сердца] самостоятельности: *Не забудь утешить и старца: он был всегда добрым человеком; рука его, вооруженная лютым долгом воина, убивала гордых неприятелей, но сердце его никогда не участвовало в убийстве; никогда нога его, в самом пылу сражения, не ступала бесчеловечно на трупы несчастных жертв: он любил погребать их и молиться о спасении души* (Н. Карамзин. Рыцарь нашего времени) [3, с. 741].

Сердце – это центр человеческой личности, что в художественных текстах подчеркивается использованием синекдохи: *Спустя некоторое время этот союз сердец после долгих споров, отвергнув «Троицу» и «Трио», они назовут напыщенно: «Трианон»* (Л. Улицкая. Зеленый шатер) [9, с. 14]. Человек стремится узнать свое сердце, т. е. понять, кто он на самом деле: *Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце?* (Н. Карамзин. Бедная Лиза) [3, с. 595]; *«Они заключают в себе тайну сердца его, – думал я, – но кто он? Какие законы осуждают любовь несчастного? Какая*

клятва удалила его от берегов Борнгольма, столь ему милого? Узнаю ли когда-нибудь его историю?» (Н. Карамзин. Остров Борнгольм) [Там же, с. 639]. Человека может пугать его внутреннее Я, или он может быть с ним в ладу: *Пусть видит этот легкомысленный Нарцисс, что он мне ничего, что прошедшее заблуждение не оставило в душе моей никаких следов, что я не имею причины бояться сердца своего и что он не может привести меня в краску* (Н. Карамзин. Юлия) [Там же, с. 660].

Анализ произведений русской литературы XVIII – XXI вв. позволяет говорить о том, что сердце в сознании носителей языка воспринимается как духовный «двойник» человека, как некто внутри тела, способный чувствовать, понимать, думать и принимать решения, способный быть невинным или порочным, меняться, болеть, разговаривать и предвидеть будущее. Это значение, которое мы определяем как «внутренний человек», реализуется во многих контекстах русской классической литературы, однако оно до сих пор не зафиксировано толковыми словарями русского языка как самостоятельный лексико-семантический вариант.

Литература

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений : в 8 т. / сост. и коммент. Е.А. Яблокова. М. : АСТ: Астрель, 2007.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева ; под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999.
3. Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени. Поэзия, проза, публицистика / сост., вступ. ст. и примеч. Т.А. Алпатовой. М. : Парад, 2007.
4. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ : моногр. Кемерово : КемГУ, 2007.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1981–1984.
6. Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы : кол. моногр. / под ред. Е.Б. Никифоровой. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012.
7. Тургенев И.С. Избранное. Л. : Лениздат, 1980.
8. Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 : Отцы и дети. Дым. Новь: романы. М. : Рус. кн., 1994.
9. Улицкая Л. Зеленый шатер : роман. М. : Эксмо, 2011.
10. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик. М. : Эксмо, 2006.
11. Улицкая Л. Сквозная линия : Повесть. Рассказы. М. : Эксмо, 2007.

12. Урысон Е.В. Проблема исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М. : Яз. слав. культуры, 2003.

* * *

1. Bulgakov M.A. Sbornik sochineniy : v 8 t. / sost. i komment. E.A. Yablokova. M. : AST: Astrel, 2007.

2. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov / per. s angl. A.D. Shmeleva ; pod red. T.V. Bulyiginoy. M., 1999.

3. Karamzin N.M. Ryitsar nashogo vremeni. Poeziya, proza, publitsistika / sost., vstup.st. i primech. T.A. Alpatovoy. M. : Parad, 2007.

4. Pimenova M.V. Kontsept serdtse: Obraz. Ponyatie. Simvol : monogr. Kemerovo : KemGU, 2007.

5. Slovar russkogo yazyika : v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A.P. Evgenovoy. 2-e izd. M. : Rus. yaz., 1981–1984.

6. Slovo i znachenie vo vremeni i prostranstve: dinamicheskie protsessyi : kol. monogr. / pod red. E.B. Nikiforovoy. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2012.

7. Turgenev I.S. Izbrannoe. L. : Lenizdat, 1980.

8. Turgenev I.S. Sbornik sochineniy : v 5 t. T. 5 : Ottsy i deti. Dyim. Nov: romanyi. M. : Rus. kn., 1994.

9. Ulitskaya L. Zeleniy shater : roman. M. : Eksmo, 2011.

10. Ulitskaya L. Iskrenne vash Shurik. M. : Eksmo, 2006.

11. Ulitskaya L. Skvoznaya liniya : Povest. Rasskazyi. M. : Eksmo, 2007.

12. Uryison E.V. Problema issledovaniya yazykovoy kartiny mira: analogiya v semantike / In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M. : Yaz. slav. kulturyi, 2003.

“Inner person” as one of the meaning of the lexeme “heart”

There is considered the meaning of the lexeme “heart” “inner person”. Based on the works of the Russian literature of the XVIII-XXI centuries there are determined the gender, age, toponymic, national characteristics that refer to this meaning, as well as considered the human experiences and feelings, positive and negative personal qualities as characteristic for this meaning.

Key words: semantics, lexeme “heart”, meaning ‘inner person’.

(Статья поступила в редакцию 19.05.2014)

П.С. ПИЩУЛИН
(Волгоград)

ФИГУРЫ ДВУСМЫСЛЕННОЙ РЕЧИ В ЖАНРЕ ЭПИГРАММЫ

Рассмотрено функционирование категории двусмысленной речи в жанре эпиграммы. Составлена классификация эпиграмм по типу выражения интенции в тексте, уточнены возможные для данного жанра элокутивные средства речевой двусмысленности, выявлены взаимосвязи различных фигур и особенности выразительного соприкосновения эпиграммы с некоторыми другими жанрами.

Ключевые слова: эпиграмма, фигуры двусмысленной речи, элокуция.

Вопрос об интенциональной направленности речевых жанров, несмотря на серьезный интерес со стороны исследователей, остается открытым. Интенция является смысловой основой любого жанра, она определяет содержание, адресата и, соответственно, влияет на элокутивный потенциал речевого жанра.

Избранный нами в качестве материала исследования жанр эпиграммы реализует три основные интенциональные стратегии: пейоративную (порицание, неодобрение), дерогативную (презрение, пренебрежительность) и реже – мелиоративную (одобрение, иногда восторг). Интенционально ориентированные речевые тактики (например, «despicio» – снисходительное, уничижительное отношение к адресату) диктуют отбор выразительных приемов и фигур. Особенность формы эпиграммы состоит в её краткости, часто сведении к одной фразе, поэтому в большинстве случаев в текстах этого жанра заложена одна, максимум две-три фигуры. В этом ключе представляется целесообразным разделить все эпиграммы на два больших класса по типу выражения интенции в тексте:

1) *элокутивно прямые* (выражающие интенцию непосредственно, с помощью явных элокутивных средств хулы, поношений или хвалы);

2) *элокутивно косвенные* (реализующие интенцию через намек, языковую игру, посредством фигур двусмысленной речи и т. д.).

В данной статье нас будут интересовать фигуры двусмысленной речи. М.А. Южанникова справедливо указывает, что в языке существует больше механизмов для возникновения двусмысленности, чем детально рассма-